

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIINIK 748 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Труды по русской и славянской филологии

Литературоведение

ТАРТУ 1987

ДОСТОЕВСКИЙ И ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В 1861 ГОДУ

П.С. Рейфман, И.С. Царева

Отношения Достоевского и Чернышевского изучены хорошо, до деталей. Говоря о них, можно условно выделить три периода: 1) конец 1840-х – начало 1850-х гг. В это время Достоевский не знает о Чернышевском. Чернышевский же читает произведения Достоевского, произносит о них суждения; 2) первая половина 1860-х гг., время двусторонних контактов, высказываний друг о друге, кратковременного личного общения; период наиболее важный, в котором можно в свою очередь выделить два главных временных промежутка: конец 1860-го года – весна 1862 года, издание "Времени" Достоевским, прокламации, пожары, отношение к ним, свидание с Чернышевским, начало "Записных книжек", возникновение замысла статей о Чернышевском; Конец 1862-го – 1866 годы, роман "Что делать?", "Зимние заметки о летних впечатлениях", "Записки из подполья", "Крокодил", "Преступление и наказание", весь круг проблем, связанных с полемикой вокруг романа "Что делать?"; 3) со второй половины 1860-х гг.; Чернышевский в это время на деятельность Достоевского почти не откликается (за исключением воспоминаний о встрече с Достоевским); Достоевский обращается к личности Чернышевского, его произведениям неоднократно, в том числе в "Дневнике писателя" рассказывает о встрече с Чернышевским весной 1862 г.

Каждый из названных периодов исследован весьма основательно, и тем не менее изучение каждого из них нельзя считать исчерпанным, и, вероятно, в дальнейшем многие решения и выводы могут быть дополнены и пересмотрены. Дело в том, что в целом ряде работ, посвященных интересующей нас проблеме, реальные акценты, по нашему мнению, несколько смещаются, точка зрения Чернышевского воспринимается как некий эталон истинности, несоответствие которому – всегда слабость. Такой взгляд определил две тенденции, различные, но восходящие к одной основе: 1) Расхождения двух писателей рассматривались во всей их остроте, иногда даже преувеличивались, и в результате делался вывод об односторонней неправоте, консер-

вативности, даже прямой реакционности Достоевского (многие работы конца 1940-х - начала 1950-х гг. и др.), 2) противоречия в большей или меньшей степени затушевывались и сглаживались. Вторая тенденция отчетливо проявилась в исследованиях сравнительно недавнего времени, последних лет. Она определяет, например, все содержание главы "Чернышевский и Достоевский" в книге В.А. Туниманова /1/. Исследователь старается здесь доказать, что никакой вражды в отношениях Достоевского и Чернышевского не было, не было даже недоразумений /2/, что "Достоевскому и Чернышевскому выпало вместе, причем довольно мирно, трудиться на журнально-литературном поприще" /3/, что воспоминания Достоевского о встрече с Чернышевским - сочувственное высказывание, где автор "Дневника писателя" нашел возможность заявить в "прикровенной (вынужденно) форме свое личное несогласие с политическими обвинениями, выдвинутыми против автора "Что делать?", об уме, таланте, личности которого он вспоминал с уважением, симпатией и даже неожиданной теплотой. Слова Достоевского о Чернышевском - акт человеческой солидарности с литератором другого лагеря" /4/. Материал, не подходящий под его концепцию ("Записные книжки", объявление об издании "Времени" на 1862 г., статьи "Два лагеря теоретиков", "Рассказы Н.В. Успенского" и др.), исследователь просто опускает. Аналогичные выводы делает В.С. Нечаева, анализирующая журнал "Время". Она приходит к выводу, что Достоевский участвует в полемике с революционными демократами лишь с конца 1862 г., что для него в печатных выступлениях "характерно стремление отмежевать лично уважаемых им руководителей журнала Чернышевского и Добролюбова от массовых их сторонников и последователей, а также отграничить руководимый ими журнал от "Современника", начавшего выходить в 1863 г. под новой редакцией. Подлинными антагонистами "Времени" были не Чернышевский и Добролюбов, а Антонович и Щедрин" /5/.

1861-й год, как нам кажется, имеет важное значение для понимания реальных отношений Достоевского и Чернышевского. Исследователи обычно рассматривают эти отношения в начале 1860-х гг. вне изменения их, без каких-то переломных моментов. На самом же деле, думается, где-то в середине 1861-го года произошел некий качественный перелом, изменивший отношения Достоевского к Чернышевскому, к "Современнику", отразившийся в ряде печатных выступлений Достоевского, в "Записных книжках", в замысле статей о Чернышевском. Наброски,

относящиеся к нему, появляется в первой из "Записных книжек", датированной 4/I 1860 - 29/У 1862 гг. Публикаторы не пытаются уточнить время, к которому относятся наброски. А это можно попробовать сделать, и важно сделать, не только для датировки, но и для более верного понимания общей картины отношений, позволяющей во многом по-новому прокомментировать первую из "Записных книжек" /6/.

В программном объявлении о подписке на журнал "Время" на 1861 год, опубликованном в сентябре 1860 г., Достоевский обещает держаться вне журнальных лагерей, независимо от "литературных авторитетов" /7/. Но практически с первых книжек "Времени" он начинает резкую полемику с "Русским вестником", отчасти с "Отечественными записками", относясь довольно сочувственно, с симпатией к некрасовскому "Современнику" /8/. Достоевский утверждает, что "Современник" - "единственный русский журнал, в котором все статьи можно читать с любопытством", что "иногда свист и полезен, ей богу!", что "Свисток", по-нашему, даже отчасти нормальное явление в нашей литературе. Он не хочет утешать себя побасенками и равными приятными грезами. От деятелей он требует деятельности, а не тупого самодовольства. Он хочет называть каждую вещь ее собственным настоящим именем, а не принимать журавля за соловья". Достоевский осуждает "Русский вестник" за то, что он не верит, что в "мальчишках и крикунах" "Свистка" "может быть иногда честное, сурово-честное убеждение" (т. 19, с. 79, 115, 122, 123). Подобное отношение отчетливо ощущается в статьях, напечатанных в журнале "Время" в первую половину 1861-го года ("Петербургские сновидения в стихах и прозе", "Свисток" и "Русский вестник", "Ответ "Русскому вестнику"").

Конечно, такие сочувственные высказывания вовсе не свидетельствовали о единомыслии, тождественности взглядов. Симпатия соседствовала с несогласием, с иронией. Так, в статье "Петербургские сновидения в стихах и прозе" Достоевский замечает полудушмя-полусерьезно, что умер бы со скуки, если бы г-н -бов (Добролюбов) "хоть насколько-нибудь изменил характер своих угазав, отдаваемых им по русской литературе" (т. 19, с. 79-80). Во "Введении" к статьям о русской литературе упоминается "странное литературное мнение" Добролюбова о Пушкине, трактаты об искусстве, которые, к удивлению автора, еще не надоели публике (т. 18, с. 69, 70). В "Ответе "Русскому вестнику"" Достоевский заверяет читателей: "Мы во-

все не увлекаемся свистящим направлением "Современника" (т. 19, с. 122). Аналогичные высказывания встречаются и в других статьях. Особенно характерна в этом отношении статья "Г-н - бов и вопрос об искусстве" ("Время", 1861, № 2). В ней ведется полемика с Добролюбовым, с "утилитаристами", одним из главных представителей которых он, по Достоевскому, является, с "нападками" "утилитаристов" на Пушкина, которого они "ненавидят", с "нерасположением" Добролюбова к Тургеневу, с его отзывами об этом "самом художественном из всех современных русских писателей" (т. 18, с. 79, 80). Достоевский подробно останавливается на статьях Добролюбова "Черты для характеристики русского простонародья", "Стихотворения Ивана Никитина" и др., истолковывая их как отрицание художественности: "Г-н - бов почти прямо выказывает, что художественность он считает ничем, нулем <...> не умеет понять, к чему полезна художественность" (т. 18, с. 80). Статья как-то ориентирована и на неприятие точки зрения Чернышевского (проблема "нарисованного яблока", к которой Достоевский возвращается неоднократно, см. т. 20, с. 108, 155, 178, 352, 367).

Статья "Г-н - бов и вопрос об искусстве" далеко не во всем верно оценивает роль Добролюбова, огрубляет его выводы, хотя многие мысли, высказанные в ней, верны и глубоки, а в упреках в адрес "утилитаристов" есть рациональное зерно. Но наиболее важно для нашей темы то, что, полемизируя с "утилитаристами", с Добролюбовым, Достоевский относится к последнему с уважением, признает его литературные заслуги, его влияние на читателей. Отмечая низкий уровень современной критики, ее поверхностность, малое воздействие на общество, Достоевский выделяет из общего ряда Добролюбова, называет его "одним из важнейших представителей современной критики", статьи которого "только одного у нас теперь и читают, чуть ли не из всех наших критиков <...> и уж за это одно он стоит особенного внимания" (т. 18, с. 72). При всем несогласии с многими выводами Добролюбова, о враждебности здесь нет и речи. Да и вообще полемика не выходит за рамки проблем искусства, соотношения идейности, "современности" и "художественности". Споря с Добролюбовым, Достоевский отнюдь не становится на позиции его противников, "эстетиков", сторонников "искусства для искусства" (рассуждения о лиссабонском землетрясении и пр.), говорит о правомерности появления в среде "обличительных писателей" "истинного художника, гениального

писателя, поэта, самая специальность которого именно и будет состоять в обличении" (т. I8, с. 79). Он считает, что и ныне Салтыков-Щедрин "родоначальник обличительной литературы <...> во многих из своих обличительных произведений - настоящий художник" (т. I8, с. 79). Таким образом, критика Достоевским "Современника" не меняет общего благожелательного отношения к нему, к его направлению.

"Современник", в свою очередь, отнюдь не солидаризуясь со "Временем", высказывается о нем довольно сочувственно. В первую очередь здесь следует отметить статью Чернышевского о № I "Времени", опубликованную в "Современном обозрении" № I "Современника" за I86I г. /9/. В № 7 "Свистка", который прилагался к № I "Современника", напечатаны шуточные, вполне благожелательные стихотворения Некрасова о "Времени": "Гимн "Времени", новому журналу, издав. М. Достоевским", "Мысли журналиста при чтении программы, обещающей не падать литературных авторитетов". В № 9 за тот же год опубликована статья Добролюбова "Забитые люди (Сочинения Ф.М. Достоевского. Два тома. М. I860. Униженные и оскорбленные, роман в 4-х частях. Ф.М. Достоевского. "Время", I86I, № I-VII)", тоже весьма сочувственная. И только с осени I86I г. тон начинает меняться, прежде всего во "Времени".

В объявлении о подписке на журнал "Время" на I862 год это изменение тона ощущается довольно отчетливо; обвинения в недооценке народности, в желании "обратить человека в стертый пятиалтынный" (т. I9, с. I49), которые Достоевский высказывал и ранее в адрес "Русского вестника" и "Отечественных записок", теперь ориентированы и на "Современник"; "скептический взгляд" объявляется порочным, все убивающим, граничащим "с полной апатией и мертвенным сном" (т. I9, с. I50); хотя имя Чернышевского не называется, именно его конкретные высказывания, видимо, имеются в виду (см. ниже, с. 60-6I).

Новый тон сохраняется и позднее. Иные акценты появляются в полемике с прежними противниками. Так, например, в статье "По поводу элегической заметки "Русского вестника" ("Время", I86I, № I0), критикуя, как и ранее, издание Каткова за нападки на "прогрессистов", не соглашаясь, что все "крикуны и мальчишки" бесчестные, бессовестные люди, Достоевский готов признать, что они вредят новой идее, опшлывают ее. Он согласился бы даже присоединиться к своим противникам в обличении "крикунов", если бы речь шла только о них, а не о всех

мыслящих, жаждущих света (т. I9, с. I70, I74). Недоброжелательная тональность ощущается и в статьях "Рассказы Н.В. Успенского" ("Время", I86I, № I2), "Два лагеря теоретиков" ("Время", I862, № 2) и др.

"Современник" также начинает отзываться о "Времени" весьма резко. В № I2 за I86I г. напечатана статья Антоновича "О почве (не в агрономическом смысле, а в духе "Времени")", выдержанная в иронически-враждебном тоне, направленная не только против общих тенденций почвеннического журнала, но и конкретных высказываний Достоевского о грамотности, о народности Пушкина, о "рве" между народом и образованными классами, который необходимо преодолеть /10/. Затем следует статья Антоновича "О духе "Времени" и о г. Косиц(е)", как о наилучшем его выражении" ("Современник", I862, № 4). В I863 г. в полемику включается Салтыков-Щедрин. Она становится еще резче. Но это выходит за рамки интересующей нас темы.

Что же послужило если не причиной, то поводом обострения? В "Записной книжке I860-I862 гг.", в заметках, относящихся к замыслу статей о Чернышевском, стоят следующие слова: "Милостивый г <осударь >. Вы начали первый. Мы начинать не хотели, хотя давно уже ежились. Но вы были нам дороги, мы вам сочувствовали и мы решились лучше молчать, хоть я уж и не знаю, как у нас иногда щемило в душе, читая ваше шутство... Но теперь вы начали, и теперь мы очень желали бы высказать вам все, не так, как прежде, чуть-чуть" (т. 20, с. I55). Достоевский здесь дважды возлагает вину за начало полемики на "Современник", на Чернышевского и видит в этом факте неспровоцированного нападения первым оправдание резких выпадов, которые он далее адресует своему противнику:

"Вы желчевик

вы смешно разкузданный

и развернулись" (т. 20, с. I55, курсив текста.

-Д.Р., И.Д.)

В примечаниях к 20-му тому приведенные слова комментируются таким образом: "Возможно, что Достоевский <...> собирался ответить Чернышевскому на его в общем-то доброжелательную рецензию" (т. 20, с. 353). Для такого предположения на самом деле нет никаких оснований. Рецензия Чернышевского о № I "Времени", которую имеют в виду комментаторы, и на самом деле весьма доброжелательная. Поэтому и было совершенно невозможно реагировать на нее так резко, как делает в данном случае Достоевский. Но дело сказанным не ограничивается. Ве-

роятность предположения комментаторов опровергается и тем, что Достоевский довольно долго после рецензии "Современника" не обижался на него, продолжал публиковать благожелательные отзывы где-то до № 5 "Времени". С чего бы он вдруг через несколько месяцев вспомнил о заметке Чернышевского и решил отвечать на нее крайне резкой статьей?

Чтобы верно ответить на вопрос о причинах раздражения, объяснить слова "вы начали первый", перемену тона, нужно внимательно проанализировать выступления Чернышевского в "Современнике" в период лета - осени 1861 г., когда как раз намечается перелом в отношениях. Но прежде, чем сделать это, необходимо остановиться на некоторых аспектах современного комментирования, что поможет разобраться и в интересующем нас вопросе.

Современный комментатор, как правило, вооружен всей суммой достижений литературоведческой науки. Он обращается к именным указателям, энциклопедиям, словарям, специальным подборкам, к исследованиям, посвященным комментируемому им тексту либо так или иначе связанным с ним. Такая возможность определяет иногда не только силу комментатора, но и его слабость, заставляя невольно ставить себя на место изучаемого автора, снабжая того сведениями, которые он вряд ли мог иметь. Для хорошего комментирования полезно не только знать, но и на время, когда это нужно, забывать, не вспоминать того, что, скажем, автор середины XIX в. имел мало шансов вспомнить. Такое "забывание" тоже необходимо для подлинно исторического проникновения в эпоху, что мы не всегда учитываем.

В журнальной полемике вообще, у Достоевского в частности, отклики, как правило, связаны с какими-то недавними журнально-литературными фактами. Вспомнить отдаленное во времени, опубликованное несколько лет тому назад высказывание, оказывается не так-то просто, если память не поддерживается какими-либо привходящими обстоятельствами, если факт прошлого по той или иной причине не стал фактом сегодняшнего дня (напр., "полногрудая Лурля" Аскоченского, о которой твердили с насмешкой журналы 1860-х гг., через много лет после того, как она "родилась"). Отдаленный факт не только мало доступен критику, публицисту, но он не интересен и читателю, следящему за злободневной полемикой и совсем не склонному без важкой причины погружаться в глубь годов.

Вряд ли правомерны, например, примечания к словам Досто-

евского из "Записной книжки": "Чернышевскому: Ба - а, ба и т.д.", в которых сообщается, что в статье "Критика философских предубеждений против общинного владения", напечатанной в № 12 "Современника" за 1858 г., есть подобные слова; затем приводится довольно обширная цитата, дается ссылка на полное собрание сочинений Чернышевского, в заключение же говорится, что в этой статье "Чернышевский отталкивается от диалектической идеи Шеллинга и Гегеля: "По форме, высшая ступень развития сходна с началом, от которого она отправляется"" (т. 20, с. 154, 351). Все сказанное прекрасно и верно, но непонятно, какое отношение имеет к комментируемому тексту Достоевского. А между тем пародируемые Достоевским слова стояли эпиграфом к статье Н.Ф. Павлова "Г-н Чернышевский и его время", напечатанной как раз осенью 1861 г. Достоевский знал статью Павлова, почти сразу же за словами "Ба-а, ба" упоминал ее: комментаторы говорят об этой статье, но почему-то не сообщают об эпиграфе, никак не объясняют ее слов Достоевского, по существу взятых не из давней "Критики философских предубеждений...", а из только что появившегося выступления Павлова, направленного против Чернышевского.

Не совсем идут к делу и примечания к словам Достоевского из "Записной книжки" о "бесполезности Шекспира". Читатель отсылается здесь к статье Чернышевского 1854 г. "О поэзии. Сочинения Аристотеля", напечатанной вообще не в "Современнике", а в "Отечественных записках", которую Достоевский почти наверняка не знал. Упоминается и высказывание Чернышевского о Шекспире в "Очерках гоголевского периода русской литературы", но в последнем случае идет речь совсем не о "бесполезности" Шекспира, а о различии русской и западно-европейской научной, литературной традиции, об отношении той и другой к проблемам патриотизма; Шекспир ставится рядом с именами не только Аристо, Гете, но и Бэкона, Декарта, Валилея, Лейбница, Ньютона, Гумбольдта, Лавфка, Кивье, Шардея (т. 20, с. 152, 347, т. III, с. 136-137). Не вполне точно комментируется слово "Пирогов" (т. 20, с. 153, 348. См. ниже с. 56-57). Последнее уточнение не так уж важно, но оно, как и другие, позволяет четче определить время записей, относящихся к замыслу статей о Чернышевском, датировать их не ранее, чем второй половиной 1861 года. Именно к этому и более позднему времени относятся преимущественно журнально-литературные факты, упоминаемые в "Записной книжке 1860-1862 гг.", связанные с Чернышевским.

Для понимания их имеет очень важное значение и "Антропологический принцип в философии" Чернышевского. Он напечатан без подписи в 4 и 5 номерах "Современника" за 1860 г., но в это время особых откликов не вызвал. Во всяком случае нет никаких свидетельств, что Достоевский обратил внимание на "Антропологический принцип в философии" сразу после его публикации, что он даже читал его в то время. Такое невнимание могло объясняться многими причинами. Достоевский совсем недавно, в конце декабря 1859 г., возвратился в Петербург, после многолетнего отсутствия, после каторги и ссылки, и ему было, вполне вероятно, не до чтения философских статей. Он еще не издавал журнал и, видимо, менее внимательно следил за периодикой, чем в 1861 г., когда начало выходить "Время". "Антропологический принцип..." был построен так, чтобы не обратить на себя внимание идеологических противников, цензуры, как простая рецензия на брошюру П.Л. Лаврова "Очерки вопросов практической философии". 18 страниц в начале работы Чернышевского занимали рассуждения о Лаврове, Жюль Симоне и т.п., не касающиеся прямо проблем материализма, довольно скучные, сравнительно мало значимые. Неискушенный читатель мог вполне закончить на них знакомство со статьей Чернышевского. "Антропологический принцип..." опубликован без подписи, и вполне вероятно, что Достоевский, если даже его и читал, не связывал его с именем Чернышевского. Возможно и то, что неблагоприятное впечатление, возникшее при чтении труда Чернышевского в первую половину 1860-го года, к началу 1861 г., к моменту издания "Времени", несколько сгладилось, оказалось не столь сильным, чтобы определить тон отношений с "Современником". Как бы то ни было, до середины 1861 г. враждебных откликов, которые можно было бы связать с "Антропологическим принципом...", у Достоевского мы не находим.

К середине 1861 г. положение изменилось. Именно к этому времени "Антропологический принцип..." стал в центре журнальной полемики, на него было обращено всеобщее внимание. В самом конце 1860-го года против него выступил профессор Киевской духовной академии П.Д. Дркевич, опубликовавший в IV кн. ее "Трудов" обширную статью "Из науки о человеческом духе", направленную против материализма. На эту статью, может быть, оставшуюся бы незамеченной, обратила внимание редакция "Русского вестника". В статье "Старые боги и новые боги" (1861, февр. кн.) она расхвалила Дркевича, пообещав напечатать извлечения из его сочинения. В "Литературном

обзрении" апрельского и майского номеров "Русского вестника" опубликованы обширные отрывки из статьи Дркевича, сопровождаемые хвалебными редакционными замечаниями. В полемику вступают другие журналы. С похвалой об Дркевиче отозвались "Отечественные записки" /II/. В поддержку Чернышевского в второй статье "Схоластика XIX века" выступает Писарев ("Русское слово", 1861, № 9). Чернышевский посвящает вопросу об Дркевиче, "Антропологическом принципе..." значительную часть и первой, и второй коллекции "Полемических красот" ("Современник", 1861, № 6, 7). Здесь, кстати, Чернышевский впервые говорит о том, что именно он - автор "Антропологического принципа...".

Достоевский обратил внимание на "Полемические красоты", в частности, на выступление Чернышевского против Дркевича, неоднократно упоминает "Полемические красоты" в "Записной книжке", собирается отвечать Чернышевскому. Не мог он пройти в связи со всем этим и мимо "Антропологического принципа...", читал он или не читал его ранее. В нем Достоевского должно было отталкивать многое: материалистические воззрения, излагаемые Чернышевским, нравственные выводы, делаемые из них, связь вторых с первыми, некоторая прямолинейность изложения, теоретичность рассуждений, обращение к математическим, точным наукам для доказательства неопровержимости своих мнений, резкий, категорический тон, снисходительная ирония, пренебрежительное отношение к своим противникам и многое другое. С середины 1861 г. ряд мотивов, встречающихся в художественных произведениях, статьях, "Записных книжках" Достоевского, полемически ориентированы на "Антропологический принцип..." С такой ориентировкой связан сам замысел статей "Полезность и нравственность" в первой из "Записных книжек" Достоевского (т. 20, с. 152). Вряд ли можно согласиться с комментаторами, относящими эти слова к проблеме "полезного" и "бесполезного" искусства (т. 20, с. 347). Здесь идет речь, главным образом, о другом: о вопросе, все ли позволено, оправдывает ли цель средства, о соотношении пользы и нравственности и т.п. Напомним, что один из главных тезисов "Антропологического принципа...", подробно развиваемый Чернышевским, - "добро есть польза"; "каждый человек думает все только о себе самом, заботится о своих выгодах больше, нежели о чужих, почти всегда приносит выгоды, честь и жизнь других в жертву своему расчету, - словом сказать, каждый из людей видел, что все люди - эгоисты" (т. УП, с. 288, 282).

Вопросам нравственности, излагаемым в подобном ключе, посвящена большая часть "Антропологического принципа..." /12/ Достоевский полемизировал с таким пониманием нравственности на всем протяжении своего творчества. С сентября 1861 г. в журнале "Время" возобновляется публикация первой части "Записок из мертвого дома", и как раз здесь, в главе VI, "Первый месяц", рассказывая о милосердной вдове Настасье Ивановне, Достоевский замечает: "Говорят иные (я слышал и читал это), что высочайшая любовь к ближнему есть в то же время и величайший эгоизм. Уж в чем тут-то был эгоизм - никак не пойму" (т. 4, с. 68, 304). Позднее неприятие подобной нравственности очень во многом определяет отношение Достоевского к роману "Что делать?" Но начинается полемика с ней именно осенью 1861 г., в связи со спорами об "Антропологическом принципе", с "Полемическими красотами" и отражается в замысле статей о Чернышевском, заметки о котором появляются уже в первой из "Записных книжек".

Немаловажную роль в восприятии Достоевским "Полемических красот" играл, вероятно, и вопрос о Тургеневе. С начала 1860-го по середину 1861-го г. отношения Тургенева с редакцией "Современника" все более осложнялись, но до открытого публичного объяснения дело не доходило. И лишь в первой коллекции "Полемических красот" о разрыве с Тургеневым пошла речь прямо, всерьез, с объяснением причин расхождения. Чернышевский совершенно прав, доказывая, что в основе разрыва лежат не личные причины, а серьезные идеологические разногласия: "Нам стало казаться, что последние повести г. Тургенева не так близко соответствуют нашему взгляду на вещи, как прежде, когда и его направление не было так ясно для нас, да и наши взгляды не были так ясны для него. Мы разошлись" (т. УП, с. 713). Однако в "Полемических красотах", в объяснении о Тургеневе, несколько смещаются факты: из "Современника" все же ушел Тургенев, и по собственной инициативе, в "Полемических красотах" же дело выглядело так, будто обе стороны одинаково хотели разрыва и даже редакция "Современника" была его инициатором. Чернышевский был прав, возражая против попыток "Русского вестника" "замешать г. Тургенева в журнальные дрязги", но критик "Современника" вряд ли был искренним, полагая, что "сам г. Тургенев понимает дело иначе", допуская возможность солидарности Тургенева с объяснениями "Полемических красот" (т. УП, с. 714, 713).

После выступления Чернышевского редакция "Современника"

отзывается о Тургеневе в аналогичном духе: расхождения вышли наружу и их более не скрывает. О Тургеневе, о разрыве с ним в весьма резком тоне говорится в объявлении "Об издании "Современника" в 1862 году", хотя имя его прямо не называется ("Современник", 1861, № 10). В какой-то степени антитургеневские тенденции намечны в статье Чернышевского "Не начало ли перемены?" ("Современник", 1861, № 11). Во всяком случае Достоевский воспринимал дело именно так, полемизируя с Чернышевским в статье "Рассказы Н.В. Успенского" (т. 19).

Крайне резкое высказывание о Тургеневе, опять не названном по имени, содержится в публикации Чернышевского "Материалы для биографии Н.А. Добролюбова" ("Современник", 1862, № 1.). Имея в виду Тургенева и Герцена, Чернышевский называет их "тупоумными глупцами", "дряными пошляками", негодуя на них за неуважение к памяти Добролюбова (т. X, с. 36, 1002-1003). Знаменательно, что позднее, в 1884 г., немного путая последовательность событий, Чернышевский связывал эту злобную оценку с впечатлением о романе "Отцы и дети", сохранив в памяти неприязнь к произведению Тургенева. В № 3 "Современника" за 1862 г. напечатана статья М.А. Антоновича "Асмодей нашего времени", как бы подводящая итог высказываниям "Современника" о Тургеневе в интересующий нас период. И нет никаких оснований утверждать, что Чернышевский был несогласен с основными положениями этой статьи.

Как раз в рассматриваемое время Достоевский и Тургенев сближаются, очень сочувственно относятся друг к другу. Тургенев собирается сотрудничать во "Времени", публиковать там "Призраки". Письма его к Достоевскому становятся с осени 1861 г. более дружескими, теплыми. В одном из них, от 30 октября 1861 г., отвечая на недошедшее до нас "большое письмо" Достоевского, выдержанное, видимо, тоже в весьма дружеском тоне, Тургенев говорит о своей расправе с "Современником", имея в виду и "Полемические красоты": "Современник" плетется и сознательно лжет: но ведь это не в первый раз. У меня письмо от Некрасова, писанное в начале этого года, в котором он мне делает самые блестящие предложения - я ему отвечал, что сотрудничать "Современником" более не буду - ну и выходит, что надо сказать публике, что меня прогнали. Это все ничтожно и не стоит внимания" /13/. Тон рассказа Тургенева, изложение спора с "Современником" позволяют предполагать, что и Достоевский упоминает об этом споре в своем недошедшем до

нас письме, на которое отвечает Тургенев. Совершенно очевидно, что Достоевский не мог одобрить тех страниц "Полемиических красот", где речь шла о Тургеневе. Еще в начале 1861 г., когда отношение к "Современнику" было в целом сочувственным, Достоевский упрекал Добролюбова за "особенное нерасположение" к Тургеневу (т. 18, с. 80). Осенью же, когда высказывания "Современника" о Тургеневе стали гораздо более резкими, они не могли не вызвать крайне отрицательного отношения Достоевского, меняющего и по другим причинам свою оценку Чернышевского.

Весной 1862 г., в связи с полемикой вокруг романа "Отцы и дети", Достоевский и Тургенев вновь оказываются единомышленниками, и их точка зрения противопоставлена позиции редакции "Современника". Тургенев заранее сообщает Достоевскому о скором выходе своего романа, просит высказать мнение "с полной искренностью"; Достоевский выполняет просьбу, в недошедшем до нас письме очень высоко оценивает "Отцов и детей", что видно из письма Тургенева от 18 марта 1862 г., отзыв Достоевского крайне обрадовал Тургенева, который горячо благодарит за него, подчеркивая, что Достоевский тонко и полно понял сущность характера Базарова /14/. В течение 1862 года "Время" постоянно помещает положительные отклики на творчество Тургенева, за что тот благодарит Достоевского /15/. Позднее, в 1863 г., в "Зимних заметках о летних впечатлениях" Достоевский писал: "Ну и досталось же ему за Базарова, беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм" (т. 5, с. 59). В приведенном высказывании высокая оценка тургеневского образа неразрывно связана с неприятием Достоевским нападков "Современника" на Тургенева, на роман "Отцы и дети" /16/. Таким образом, критика в "Современнике" Тургенева, начиная с "Полемиических красот", воспринималась Достоевским сквозь призму меняющегося отношения к Чернышевскому, к некрасовскому журналу, и в то же время она сама в какой-то степени являлась причиной происходящих изменений.

Большое место в "Записной книжке 1860-1862 гг." занимают записи о полемике "Современника" с Н.И. Пироговым, относящиеся также к замыслу статей о Чернышевском. Достоевский не солидарен с Пироговым в его признании возможности телесных наказаний гимназистов, говорит, что тот ошибался, заблуждался, пошел на компромисс, без которого, вероятно, можно бы было обойтись, сделал "уступку противникам", "довольно

плохую и нехорошую" (т. 20, с. 166-167), но он решительно отвергает тон "Современника", зачисление Пирогова в лагерь обскурантов, нежелание учитывать общее значение его деятельности. Признавая, что возражения "Отечественных записок" на статью Добролюбова "Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами" слабы, что защищали Пирогова неумело и плохо, Достоевский считает саму защиту необходимой, отражающей общее настроение общества. Для нас же важно, что заметки Достоевского лишь косвенно относятся к статье "Всероссийские иллюзии...", которая в "Записной книжке" называется "старой статьей" (т. 20, с. 158); речь, в первую очередь, идет о другом, имевшемся в виду выступлении "Современника" о Пирогове во вторую половину 1861 г. (вторая коллекция "Полемических красот" Чернышевского, статья "От дождя да в воду" Добролюбова - "Современник", 1861, № 7, 8). Деятели "Современника" упрекаются, в частности, в том, что они вновь возвращаются к вопросу о Пирогове, настаивают на своей правоте, не хотят признавать ошибочности прежней оценки. Достоевский недостаточно учитывает вынужденность повторного выступления "Современника" о Пирогове, необходимость отвечать на нападки журнальных противников, но по сути его возражения Чернышевскому и Добролюбову во многом правомерны и справедливы. Сама же полемика о Пирогове стала еще одним фактором, определяющим изменение отношения Достоевского к Чернышевскому.

Все сказанное выше делает понятными новые оценки Достоевским второй половины 1861-го года Чернышевского, его соратников, но оно не объясняет слов: "Вы начали первый". Чтобы стал ясен их смысл, необходимо обратиться к другим статьям Чернышевского середины 1861-го года, упоминаемым в "Записной книжке". Достоевский обращает внимание на статьи Чернышевского "О причинах падения Рима", "Непочтительность к авторитетам", "Граф Кавур" ("Современник", 1861, № 5, 6). Первую из них обычно связывают с выступлениями против Герцена, его статьи начала 1850-х гг. "Русский народ и социализм", где идет речь об опасности Европе со стороны русского самодержавия, об ущербности, разложении, обреченности буржуазного мира, который сравнивается с древним Римом накануне его падения, завоевания варварами /17/. Видимо, Чернышевский имеет в виду не только конкретную, довольно старую статью Герцена, но всю сумму его высказываний об обреченности Европы, об особой миссии России. Видимо, рассуждения Чернышевского относятся и не только к Герцену. В начале

1860-х гг. о древнем Риме, часто с ориентацией на современность, говорилось довольно много. О нем шла речь в книге Гизо "История цивилизации во Франции от падения Западной Римской империи" вышедшей в переводе в Петербурге в 1861 г. и послужившей поводом для статьи Чернышевского. Древнему Риму была посвящена статья П. Леонтьева "О судьбе земледельческих классов в древнем Риме" ("Русский вестник", 1861, кн. I). С возражениями П. Леонтьеву выступил Д. Ф. Щеглов, опубликовавший в № 5, 6 "Времени" за 1861 г. статью "Экономические реформы Рима". Таким образом, древний Рим, как повод для различных аналогий, широко привлекался в литературно-журнальных выступлениях начала 1860-х гг., в том числе сторонниками теорий об особой миссии России, столь близких Достоевскому, почвенникам. Против сторонников подобных теорий резко выступает Чернышевский, отнюдь не сводя их к выводам Герцена. Знаменательно, что как раз в это время Чернышевский собирается опубликовать в № I "Современника" за 1861 г. "Апологию сумасшедшего" Чаадаева, свою статью о ней, об авторе "Философических писем", отвергая "мечты о каком-то исключительном нашем положении и призвании в будущем" (т. УП, с. 615). Достоевский, конечно, не мог учитывать эту статью, тогда так и не напечатанную, но антипочвеннические тенденции статьи о древнем Риме он вряд ли не уловил. Кроме того, статья вызывала возражения не только из-за таких тенденций. Ориентируясь на задачи современности, Чернышевский весьма упрощенно излагал причины завоевания Рима варварами. Он считает, что "никакой внутренней необходимости" гибели Рима не было, "жизнь была свежа, прогресс безостановочен" (т. УП, с. 657); закономерности здесь не больше, чем при геологической катастрофе, при гибели страны от наводнения. Такие выводы объективно противостояли не только точке зрения Гизо, положениям Герцена, но и гегелевскому пониманию диалектики истории, историческим концепциям Белинского /18/.

Рассуждения о древнем Риме нужны Чернышевскому для критики "самохвальных и, к счастью, пустых мыслей о некоторых живых отношениях. Мы говорим не о славянофилах" (т. УП, с. 661). Далее Чернышевский приводит высказывания таких людей о том, что Россия призвана "обновить жизнь цивилизованного мира, внести в нее высшие элементы, которые сам он выработать не в силах" (т. УП, с. 661). Он правомерно протестует против попыток противопоставить Россию будто бы одряхлевшей и умирающей Европе: "Рано, слишком рано заговорили

вы о дряхлости западных народов: они еще только начинают жить" (т. УП, с. 666). По сути такое противопоставление вело во многом к примирению с российской самодержавной действительностью, к утопической идеализации консервативных форм жизни, и Чернышевский был глубоко прав, возражая против него. Но в подходе Чернышевского сказывалось и определенное упрощение, отражающееся в некоторой прямолинейности преломления исторических фактов.

Статья о Риме была направлена, в первую очередь, видимо, против Герцена, но объективно, а может быть и субъективно, вполне осознанно, она метила и в почвенников. То же можно сказать и о другой статье, "Непочтительность к авторитетам", где речь шла о книге французского историка А. Токвилья "Демократия в Америке". Пафос статьи, направленный против идеализации централизации, бюрократии, административного произвола, был плодотворным и злободневным, ориентированным на неприятие неограниченной власти русского самодержавия. Чернышевский опровергает Токвилья, пытавшегося доказать, что централизация характерна и для демократических стран (Америка). Но в первую очередь в статье ведется полемика с теми, кто считает, что централизация благотворна для России, что она была полезна с начала ее возникновения, освободила Россию от татар, создала государственное единство, действовала в демократическом направлении против аристократии /19/. В то же время статья могла раздражать крайне резким, ироническим, пренебрежительным тоном, натянутым юмором, упрощенным изложением исторических фактов (так, например, татары, по Чернышевскому, были побеждены сами собой, разложением, физическим вымиранием и размножением, усиленной рождаемостью русского населения). В конце же статьи говорилось, что взгляд на роль централизации взят лишь как пример бессвязности мысли, всяких несообразностей, характерных для многих русских авторитетов, а далее шло перечисление таких авторитетов: "Один авторитет провозглашает самостоятельность разума и ужасается, когда вы говорите, что не принимаете фантазий, отвергаемых разумом <...> Другой авторитет называет славянофильство нелепостью и тут же доказывает, что Западная Европа, в особенности Франция, гниет и только славянское племя, носящее в себе зародыши высшей цивилизации, только одно оно может обновить дряхлеющую Западную Европу. Третий авторитет превосходно рассуждает, что просвещение спасительно, и тут же доказывает, что цивилизация имеет растлевающее свойство.

Четвертый авторитет ставит вопрос несколько иначе: полное образование неизмеримо выше невежества, но полуобразованность гораздо хуже невежества <...>" (т. УП, с. 705-706). Чернышевский иронизирует над "авторитетами", у каждого из которых имеется одна, а то и несколько "гармоний" такого сорта.

Насмешки Чернышевского направлены в какой-то части в адрес Герцена, но не только его одного. Очень вероятно, что и здесь, как и в статье о Риме, ирония ориентирована и на Достоевского, на почвенничество. Почти одновременно с высказываниями Чернышевского о Гизо и Токилле Достоевский печатает статьи "Книжность и грамотность" ("Время", 1861, № 7, 8), во многом программные, содержащие принципиальные для их автора положения об интеллигенции и народе, о роли русской литературы, о народном образовании, о вреде полуобразования, "науки вне науки", о том, что "мы-то, может быть, и назначены судьбой для общечеловеческого мирового соединения" (т. 19, с. 19). Знаменательно, что Антонович в статье "О почве" высмеивает ряд конкретных высказываний автора статей "Книжность и грамотность". Во всяком случае положения этих статей, других высказываний Достоевского ("Введение" к "Ряду статей о русской литературе") были аналогичны тем, которые высмеивал Чернышевский, рассуждая об "авторитетах". Очень вероятно, что Достоевский воспринял как выпады в свой адрес слова о попытках примирить разум с фантазиями, отвергаемыми разумом (т.е. с религией), насмешки над теми, кто критикует славянофильство /20/ и выступает в то же время с прорицаниями о мировой миссии славянского племени, кто рассуждает одновременно о спасительности и растлевающем свойстве цивилизации, о благотворности и опасности образования для народа. Дело усугублялось тем, что разговор Чернышевского об "авторитетах" мог осмысливаться Достоевским как ориентированный на прошлогодние программные заявления редакции "Время", которая обещала независимость от авторитетов (т. 18, с. 39). Он звучал упреком: вы, дескать, уверяли, что не чтите авторитетов, а сами выступаете в роли оракулов, тех же авторитетов. И, видимо, отвечая Чернышевскому, Достоевский в объявлении о подписке на журнал "Время" на 1862 г. вновь повторяет: "перед авторитетами мы не преклонялись" (т. 19, с. 149). Как бы пародируя выделенные Чернышевским четыре группы авторитетов, Достоевский называет свои четыре группы, адресуя главные упреки революционным демократам, конкретно Чернышев-

скому: "Многие из теперешних стоят на той же точке, на которой остановился Белинский, хотя и уверяют себя, что ушли дальше. Другие наши мыслители, оттого что они во фраках, не хотят признать себя за народ. Третьи хотят выписывать русскую народность из Англии <...>. Четвертые бродят накануне открытия общих законов, общей формулы для всего человечества <...>".

Таким образом, Достоевский совершенно искренне считает, что Чернышевский "начал первый", вся же совокупность выступлений "Современника" с середины 1861 г. воспринимается как враждебная и неприемлемая. Дальнейшее развитие событий, обострение противоречий, сложная общественная ситуация конца 1861 - начала 1862 гг., студенческие волнения, прокламации, пожары отнюдь не способствуют сближению точек зрения, что сказывается и на встрече Чернышевского с Достоевским в конце мая 1862 г., /21/ и на более поздней оценке романа "Что делать?", отнюдь не дружественной, при всей сложности и неоднозначности ее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Туниманов В.А. Творчество Достоевского 1854-1862. Л., 1980.

² Там же, с. 262.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 283.

⁵ Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских "Время" 1861-1863. М., 1972, с. 287. Аналогичные выводы см. в статьях Л.М. Розенблум: "Творческие дневники Достоевского". - Лит. наследство, М., 1971, т. 83 и "Петербургские пожары и Достоевский". - Лит. наследство, М., 1973, т. 86.

⁶ См. вышеозначенную публикацию Л.М. Розенблум в т. 83 "Лит. наследства" и примечания к т. 20. Полн. собр. соч. Достоевского в 30-ти томах.

⁷ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Л., 1972, т. 18, с. 39. Далее сноски на это издание в тексте в скобках с указанием арабскими цифрами тома и страниц.

- ⁸ Возможно, отчасти это объяснялось осторожностью, тактикой, но, видимо, "Современник" и на самом деле представлялся редакторам "Времени" наиболее приемлемым из всех журналов, в том числе славянофильских.
- ⁹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1939-1953, т. УП, с. 949-956. Далее ссылки на это издание в скобках в тексте с указанием латинскими цифрами тома и арабскими страницы.
- ¹⁰ См. статью Достоевского "Книжность и грамотность" (т. I9, с. 6, 8, 20 и др.).
- ¹¹ См. № 7 за 1861 г. статью Дудинкина в отделе "Критики".
- ¹² См. упоминания о полемике с "Антропологическим принципом..." в "Зимних заметках о летних впечатлениях" в кн.: Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. М., 1972, с. 128. Подробно тему "Антропологический принцип в философии" Чернышевского и Достоевский мы затронем в специальной статье.
- ¹³ Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 28-ти т. М.-Л., Письма, т. IV, 1962, с. 301. Далее: Т у р г е н е в. Письма.
- ¹⁴ Тургенев. Письма. М.-Л., 1963, т. IV, с. 348, 358-359.
- ¹⁵ Там же. Т.У, с. 126, 568-569.
- ¹⁶ С такой позиции Достоевский собирался, видимо, писать о Чернышевском, упоминая в "Записной книжке" "базаровские тона", статью Антоновича об "Отцах и детях". Возможно, слова: "Вы говорили, что Добролюбов - гений" связаны тоже с тургеневской темой: ведь именно в упоминаемой статье Чернышевского содержатся наиболее резкие выпады против Тургенева.
- ¹⁷ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30-ти т.М., 1956, т. УП, с.311-312.
- ¹⁸ См., напр. статьи "Руководство к всеобщей истории. Сочинение Фридриха Лоренца", "Кесари. Сочинение Ф. де-Шампаньи". - Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955; т. У1; "Отечеств. записки", 1842, т. 22.
- ¹⁹ Имеется в виду концепция не названного по имени историка С.М. Соловьева, отразившиеся в его многотомной "Истории России".

- 20 Несколько позднее Достоевский посвящает вопросу о несостоятельности славянофилов специальную статью (см. т. 19, с. 57).
- 21 Вряд ли можно признать исчерпывающими доводы сторонников версий как Чернышевского, так и Достоевского. Анализ этих версий мы собираемся посвятить специальную статью.